

Л. В. Карасев

В САДАХ ИСТОРИИ

Карасев Леонид Васильевич — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института высших гуманитарных исследований при Российском государственном гуманитарном университете.

Слова о прошлом, без которого нет настоящего и соответственно будущего, давно уже стали общим местом и во многом потеряли свой смысл. Здесь и в самом деле все верно - верно до скуки - разве что не вполне ясно, что именно нужно понимать под прошлым, настоящим и будущим. Достаточно хоть сколько-нибудь вопросительно взглянуть на эти вещи, как довольно быстро идея связи времен начнет распадаться, а сами «времена» терять определенность и ясность.

Похоже, в истории человечества мы имеем дело с выборочным запоминанием одних вещей и столь же выборочным забвением или пересмотром других. Принцип выборки непонятен, но от этого не теряет своей силы. Взгляните хотя бы на удивительную разницу, которая существует в нашей осведомленности об исторических событиях одного и того же типа и происходивших к тому же в одно и то же время, т. е. о войнах, восстаниях, путешествиях и т. п. В одних случаях — множество подробностей, правда мало что дающих, в других — одно-два (иногда очень кратких) упоминания самого общего порядка. Приходится признать, что именно такова картина наших знаний об истории. Конечно, можно сказать, что все зависит от случая, сохранившего одни свидетельства и уничтожившего другие, однако это ситуацию не меняет, ибо мы имеем дело с тем, что имеем. Да и что такое «случай», если взглянуть на него чуть серьезнее, нежели мы привыкли? Прибавим сюда искажения и сознательные умолчания, и картина усложнится еще больше: перед нами возникнет калейдоскоп, мозаика из фактов, вернее говоря, различных толкований этих фактов. Это похоже на память человека, память как персональную мифологию. Миф о себе самом, о своем прошлом. Одни вещи запомнились, другие — нет. Что-то кажется важным, что-то второстепенным. События получили оценку, которая постоянно корректируется. В итоге человек получает вполне устраивающую его картину прошлого, его онтологической правоты. Точно так же и культура все время переосмысливает свое прошлое, перетолковывает себя. Ницше говорил о мифах, которые окутывают горизонт культуры. Думаю, что своего горизонта культура никогда не видит, ибо облако мифа следует за ней буквально по пятам.

О настоящем мы знаем еще меньше, чем в прошлом. Настоящее зыбко, неопределенно, многозначно. Любая вещь может утвердиться, даже самая невероятная на первый взгляд. Ведь достаточно чему-то произойти, как спустя совсем немного времени нам начинает казаться, что ничего иного и быть не могло. Вот стоял дом. Его снесли и поставили на его месте другой. Мы смотрим на этот новый дом, он давит на нас своей реальностью, как бы утверждая, что ничего иного здесь никогда и не стояло. В этом смысле архитектура предельно онтологична. И хотя слово способно пережить самый грандиозный памятник, человек упорно пытается утвердить свою мечту о вечности именно в архитектуре. Миг современности — это миг удивления перед сбывшимся, осуществившимся событием. Удивления, которое вскоре сменяется уверенностью, что прошлое (ведь все сбывшееся уже прошлое) было именно таким, и другим быть не могло.

Еще более сильна власть мифа над будущим. От прошлого остаются какие-то поддающиеся переосмыслению «факты»: даты, кости, монеты. О будущем же решительно ничего не известно. Призрачного прошлого уже не существует, иллюзорное будущее еще не пришло, и это делает их

похожими друг на друга. Слова о том, что прошлое не исчезает, а присутствует в настоящем, определяя таким образом будущее, на самом деле ничего не объясняют: ведь ни прошлого, ни настоящего мы в общем-то не знаем. Стоит ли тогда гадать о будущем? Конечно, прошлое определяет день сегодняшний, но что именно из прошлого в дне сегодняшнем? Оттого так приблизительны все известные «социологии»: все они опираются на прошлое, вопрошают его, чтобы объяснить настоящее. Одна реальность оказывается столь же призрачной, как и другая. И вместе с тем обе давят на нас всей мощью своих фиктивных смыслов. А чаемое будущее, где оно? Вот случай, когда можно сказать, что прошлое не проходит, будущее не наступает, а настоящее не длится.

Что касается большей или меньшей реальности каждого из данных нам времен, то спор за первенство пойдет между прошлым и настоящим. Прошлое сбылось. Настоящее уже сбывается на глазах, хотя каждый из нас видит очень немного; причем все происходит настолько быстро, мгновенно, что мы даже и помыслить не успеваем, как настоящее из чего-то неожиданного и неопределенного превращается в определенившееся и все более и более теряющее свою достоверность и реальность прошлое. Детерминистский тезис о прошлом, заключенном в настоящем, указывает только на чистую форму воплощения, осуществления ранее начавшихся событий. Но разве этого достаточно? Если мы сравним две иллюзии — уже не существующее прошлое и еще не существующее будущее, то увидим: степень реальности прошлого не делается весомой от того, что оно когда-то действительно было; для дня сегодняшнего в известном смысле равны между собой день вчерашний и день, отстоящий от нас на несколько тысячелетий. Нас держит настоящее, и это естественно: прагматику эстетикой не заменишь, сегодняшняя удача сразу же делает призрачными вчерашние огорчения, а нынешние неприятности не могут исчезнуть при воспоминании о вчерашних успехах. Жизнь, промелькнувшая в одно мгновение, жизнь как сон — не пустые сравнения. За ними — интуитивно ощущаемая иллюзорность. О том, что это время было, говорит разум, о том, что оно навсегда прошло, — чувство, и никоим образом примирить эти вещи нельзя.

Прошлое и будущее, окутанные туманом мифа, стоят друг друга, но есть между ними различие. Прошлое — иллюзия, и будущее — иллюзия. Прошлое было, но прошло, будущего еще нет, но зато оно будет: одно здесь нейтрализует другое. Но если взять в расчет наше желание любой ценой остановить настоящее, продлить его в чаемое будущее, то это будущее и в самом деле окажется чем-то более значимым и более реальным, нежели скрывшееся в тумане мифа прошлое.

Будущее ожидаемо, будущее желаемо. Не нужно только путать само будущее с тем злым, неприятным, что оно может принести — так осужденный на казнь не торопит рассвета вовсе не потому, что любит мрак ночи. Каждый шаг человека и народа делается под гипнозом ожидаемого будущего. Оно зовет к себе, придавая смысл всему, что мы делаем в настоящем. Но если это действительно так, если прошлое в самом деле не способно объяснить нашего настоящего, то не взять ли в таком случае в помощники будущее?

Переоценка значимости времени, в котором мы живем. Психологически это понятно — ведь это же мы в нем живем. Однако если смотреть на вещи реально, подобная переоценка искажает наше видение прошлого и будущего. История приобретает вид пирамиды, на вершине которой мы стоим и смотрим вниз на различные архитектурные детали. Вот случайная деталь, она больше не повторяется, вот — диада, вот — триада, а вот — непрерывная линия. Мы уверены в своих оценках, ибо смотрим сверху! Но стоит лишь на миг вспомнить о том, что сегодняшний «верх» завтра таковым уже не будет, как наши соображения окажутся сомнительными. Диада превратится в триаду, случайная деталь — в повторяющуюся много раз, а то, что казалось непрерывной линией, прервется и исчезнет.

И когда-нибудь люди вдруг обнаружат, что вся история Европы была лишь рядовым эпизодом всемирной истории, а самые главные события разыгрались на каком-нибудь атолле в Тихом океане, где жило скромное и незаметное племя, сумевшее сохранить память о тайне Начала и спасти гибнущее человечество. Разумеется, это не более, чем предположение, однако смысл того, о чем я говорю, оно передает. Историческое бахвальство Запада, Китая или России в разные времена принимавшее весьма тяжелые формы, стало платой за непонимание того места во

времени и мире, которого данный народ в данный момент достиг. Например, сегодня можно сколько угодно рассуждать о процветающем Западе и бедствующей России, оценивая ситуацию с пресловутой «современной точки зрения». Истины в этом немного. Каких-нибудь 40-50 лет назад не существовало процветающего Запада, через 10-15 лет Россия не будет бедствовать. Все изменится, начнется новый исторический счет, по которому многие из ныне нам знакомых событий станут выглядеть совсем иначе, нежели сегодня.

Какой вывод можно извлечь из сказанного? Означает ли это, что будущее готовит нам тысячи и тысячи непредсказуемых событий, о которых мы сегодня даже не догадываемся?

И да, и нет. Да, потому что будущее действительно многовариантно. Нет, потому что, несмотря на грандиозность, будущее все-таки имеет границы, как есть границы у всего, имеющего смысл. (Версию о бессмысленности происходящего я не рассматриваю, потому что это противоречит нравственному чувству человека, для которого прошлое и будущее значимы хотя бы потому, что окрашены его любовью к родителям и детям.)

Как мы станем смотреть на будущее — вот в чем вопрос. От нашего отношения будет зависеть его реальный облик. Ведь одно дело относиться к будущему как к чему-то внешнему, не существующему, и совсем другое — осознавать, что оно (как это ни банально) зависит от твоего собственного этического выбора.

История — это единое смысловое целое. И хотя она дана нам в виде однонаправленного линейного процесса, разделенного на периоды, условно именуемые «прошлым» и «будущим», ее можно представить совершенно иначе, а именно как *уже свершившееся тотальное целое*. Свершившееся, сбывшееся, если смотреть на это целое из предполагаемой — и одновременно чаемой — надысторической высоты.

В садах истории произрастает множество плодов, однако судить о них можно лишь тогда, когда они упадут на землю. История как завершенное целое, история вызревшая, предполагает осуществление, завершение живших в ней смыслов. История состоит из людей, и, следовательно, смыслы, о которых идет речь, — прежде всего человеческие смыслы. Достаточно сопоставить их с тем, что можно увидеть сегодня, чтобы понять, как далеко мы ушли вперед, и сколько еще осталось идти до конца — каким бы этот конец ни был.

История культуры — это история постепенного избывания, исчерпывания универсального смыслового лексикона. Это история исполнения наиболее важных человеческих смыслов. Велико ли их число. Вряд ли — ведь по-настоящему важных вещей немного. «Свобода», «благо», «красота», «покой», «любовь», «воздаяние», «справедливость», «светлое будущее», «конец света». Список можно продолжить, вернее, насытить, однако не думаю, чтобы он стал намного длиннее.

Может быть, об этих вещах и не стоило бы говорить вовсе, ее; бы не два важных обстоятельства. Первое состоит в том, что каждый из фундаментальных смыслов имеет свою логику развития, свой счет побед и поражений, который ведется и в пространствах всеобщей тотальной истории, и в пространствах каждой человеческой души. Второе же обстоятельство можно обозначить совсем коротко: рано или поздно смыслы обязательно сбываются. Каждый из них спускается на землю. Превратившись в мысли и чувства людей, он становится действительной и невероятно мощной силой. Сбывается же смысл потому, что обязан сбыться. Все осмысленное в человеческом мире стремится к своему исполнению и завершению. История предстает как исполнение исходного смыслового потенциала: что-то уже свершилось, что-то сбывается на наших глазах, что-то еще ждет своего исполнения. Вспомним хотя бы о «числе праведников», которое все еще неполно, которого еще недостаточно для того, чтобы история, наконец-то, завершилась.

Сбываются все смыслы. В этом восторг и ужас исторического бытия. Ведь нам далеко не все равно, когда сбудется тот или иной смысл и как именно он сбудется. Он может изжить себя тихо и спокойно, а может взорвать, перевернуть вверх дном попавшуюся ему эпоху. И здесь уже не до отвлеченного метафизического интереса, события приобретают крайне серьезный оттенок, особенно если учесть, что природа человека до сих пор остается такой же, как и многие тысячи лет назад. Я говорю о заложенном в нем смысле, а не о том, как он по-разному может обустроить свою

цивилизацию. В XX в. народу уничтожено столько, сколько во всех предыдущих войнах, вместе взятых. Однако это произошло не потому, что люди стали хуже и злее, а потому, что века существующее зло проявило себя в новой, невиданной технике, способной мгновенно уничтожать тысячи и даже миллионы жизней. Вместе с тем человек не стал и лучше, хотя в том же XX веке от различных болезней и бедствий людей было спасено не меньше, чем уничтожено в войнах. Баланс блага и зла остался прежним, изменились лишь формы их осуществления.

Важна точка осуществления смысла. Один и тот же смысл может проявить себя по-разному: все зависит от времени, когда он дает о себе знать. Возражение о том, что вещи, возможные на одной ступени развития и в одной культуре, невозможны в других, верно лишь отчасти. Невозможны в том же самом виде - это справедливо. Но ведь речь-то идет о смыслах универсальных, о том, чему положено сбыться по закону, по определению. История и представляет собой полигон, где раз за разом пытаются осуществить себя одни и те же (по сути) идеи и стремления.

Смыслы бессмертны — во всяком случае до тех пор, пока не сбываются и тем самым не исчерпываются. Вот почему важно знать, когда тот или иной смысл осуществит себя окончательно. Стоит вспомнить историю утопической мысли: сколько раз порождала она все новые и новые «города Солнца», пока, наконец, не сбылась в феномене первого в мире социалистического государства. Это и было исполнением идеи, ее самоуничтожением, повлекшим за собой гибель миллионов людей. Однако не забудем и о другом: тоталитарные режимы XX в. ужасны, но если бы их не было, стоявшая за ними идея прорвалась бы в будущее, дав эффект еще более ошеломляющий. Достаточно представить себе, как идеология тоталитарного подавления инакомыслия соединилась бы с возможностями новой, еще не виданной техники; об этом выразительно написали американские фантасты в 60-70 гг. Сколько раз может сбыться тот или иной исторический смысл? Переиначив известную мысль Маркса, скажу, что история повторяется не дважды, а трижды. Другое дело, что третий раз знаменует собой границу, отделяющую собственно историю в привычном ее понимании от того внеисторического, надисторического будущего, к которому идет человечество. Это будущее можно понимать по-разному, но осуществится оно, скорее всего, в формах, весьма далеких от тех, к которым мы уже успели привыкнуть за нашу земную историю. Нас ждут поистине «новая земля» и «новое небо».

Почему мир может уничтожить именно третья мировая война, а не четвертая или пятая? Потому, что она — *третья*: здесь коллективные страхи подогреваются интуицией. Интуиция верно реагирует на число «3», однако счет войн — дело особое: с какого времени считать, какую войну называть мировой, а какую — нет. Дело даже и не в войне как таковой: за призраком третьей мировой войны прячется реальность совсем иного порядка. Я имею в виду опять-таки мистическое ожидание конца истории, конца привычной временной и смысловой последовательности течения событий. За третьей мировой войной стоит символ Второго пришествия, которое опять-таки, если вернуться к точке отсчета, оказывается на самом деле не вторым, а третьим. Явление Христа в мир снимало и оправдывало то смысловое целое, которое существовало прежде. Но ведь мир и человек когда-то были созданы, представлены для бытия Богом! Таким образом, если рассматривать историю как линию, имеющую начало и конец, то на ней два интервала: первый — от возникновения человека до сошествия Христа, и второй — от явления Христа до ожидающегося «Второго» Его пришествия. Интервала два, а точки — три, и все они сакральны. С третьей история прекращается.

Третье осуществление смысла есть возвращение к началу движения. Идея достигает точки, откуда она уже не может двигаться ни в одном направлении, кроме обратного. Однако это «обратное» движение оказывается наполненным энергией столь мощной и чудесной, что смысл передвигается из одного мира в другой, из области естественной в сверхъестественную. Я говорю не столько о чуде во всем его материально-чувственном блеске, сколько о смене онтологии в духе Франциска Ассизского или чаньского монаха. Вначале видишь перед собой горы, потом понимаешь, что это не горы, а затем вновь видишь горы — но уже какие-то иные, чем прежде. Исходный и итоговый образцы вроде бы совпадают, но лишь внешне: очертания те же, но наполнены новым смыслом. С точки зрения эсхатологии (а она, несомненно, составляет

существо европейского взгляда на бытие), это третье воплощение смысла и есть не что иное, как «конец света». Возможно, «конец света» и есть важнейший смысл нашей культуры, ибо он содержит в себе и снимает все другие возможные смыслы (ведь даже «светлое будущее» — иномформа «конца света»). Поэтому для живой, живущей культуры смысл «конца», «окончания» (у А. Платонова, например, коммунизм — это «конец света») выступает как самый органичный. Его пафос уникален и может быть сопоставлен лишь с пафосом Начала, которое существует как миг, после чего является уже чем угодно, но только не началом. Точно так же и «конец света» не требует непременно троичного последовательного воплощения, которое проходят остальные смыслы. «Конец света» может произойти лишь однажды, да и то как решающий шаг на пути к иной чаемой онтологии. Он вообще не поддается внешнему описанию и определению, ибо пока есть история, *пока есть свет*, о конце еще нельзя говорить. Когда же свет внешний перейдет во внутренний, а история сменится мистерией, об этом уже нельзя будет говорить, ибо новая реальность не будет содержать в себе «конец света» даже как свое «начало». Она вообще не будет иметь к нему никакого отношения — единая, целокупная, сияющая.

Идея «конца света» входит в важнейшие понятия движения, изменения, развития, прогресса, упадка, которые мирно сосуществуют друг с другом. В самом деле, историческое движение можно понимать и как вечное изменение, не приводящее к новому качеству (тогда оно становится бессмысленным), и как развитие, ведущее либо к упадку, либо к улучшению. В первом случае мы имеем дело с «концом света» во всех его возможных истолкованиях, во втором — с ожиданием земного рая, «золотого века», «светлого будущего». Поразительно то, как в уме современного европейца обе возможности соединились друг с другом, образовав противоречивую смысловую целостность. Напрямую она не осознается, хотя и дает себя знать в трагическом напряжении между чувством и долгом, средством и целью, конечным и бесконечным. С одной стороны, вполне понятна надежда на лучшее, вера в то, что дети и внуки будут умнее, добрее, счастливее тебя (иначе зачем их рожать?), а с другой — предощущение неизбежного окончания истории — «конца света». Что есть конец света, как не расплата за грехи, за совершенные злодеяния, за пришедшие в упадок нравы? Но если это так, то как можно надеяться на лучшее будущее детей и внуков? Если человечество движется к «светлому будущему», но при этом от идеи «конца света» не отказывается, придется признаться, что «конец света» должен наступить в момент наилучшего, наивысшего состояния рода человеческого, когда будут побеждены болезни, неравенство, земля превратится в «цветущий сад», а люди станут по-настоящему счастливыми. Противоречие, причем неразрешимое, тут налицо, и тем не менее оно обычно не сознается достаточно ясно. Вот случай, когда «две неподвижные идеи», как говорил поэт, вполне могут не только уживаться, но даже находиться на одном и том же месте.

Сбылся или не сбылся смысл (вернее, бессмыслие), заложенный в феномене войны? Видимо, да. И хотя до всеобщего мира еще далеко, можно все же надеяться, что к исходу XX в. (уже к середине века) война — как всеразрушающее тотальное явление — себя исчерпала. Взрывы атомных бомб в Японии сбили — хотя и ужасной ценой — пламя возможного мирового пожара. Я уже говорил, что сила смыслов, составляющих историю, в том, что рано или поздно они сбываются. В случае с войной (или, если угодно, «идеей», «темой», «смыслом» войны) видно, насколько небезразлично для истории это «рано» или «поздно». «Атомный смысл» не мог себя не реализовать, и то, что он сбылся, взорвался (в прямом смысле слова), уничтожился в самом начале атомной военной истории, возможно, спасло человечество от самоуничтожения. Не заглядывая далеко в фантастические возможности будущего, предположим, например, что пора осуществления этого смысла приспела бы не в 40-е, а, скажем, в 80-е гг, в пору реализации программы «звездных войн».

Одни смыслы, сбывшись, уходят в прошлое. Другие — еще впереди. Вспомним тысячекратно упоминаемую, но так и не понятую красоту, «которая мир спасет». Она еще впереди, еще существует как возможность. Да и вообще, если не терять самообладания, взирая на горы фактов, которые рассыпает перед нами история, в надежде, что собьемся и запутаемся, то можно увидеть, что на самом деле человечество все время

имеет дело с одними и теми же смыслами, правда, каждый раз, являющимися в карнавальных одеждах различных культур и исторических эпох. «Мы разные! Мы совсем не похожи друг на друга!» - кричат они, боясь, что мы вдруг схватим их суть и увидим, наконец, самое главное.

Что же есть самое главное? Думаю, прежде всего, это спокойное осознание того, что история представляет собой уже сбывшееся тотальное целое. Надо принять *все прошлое* как свое *личное* прошлое. Почувствовать, что все будущее, каким бы далеким и недостижимым оно ни было, есть *наше* будущее. Почувствовать, что различные эпохи на самом деле представляют собой единую эпоху. Понять, что люди имеют между собой гораздо больше сходств, чем различий. И это относится не только к частностям, а к сущности каждого человека. Можно восторгаться особенностями французского и английского языков, а можно поразиться нелепости, смехотворности ситуации, когда два взрослых умных человека не могут понять друг друга всего лишь потому, что один родился в Англии, а другой — во Франции. Это ли не издевка над человечеством, особенно если вспомнить о том, что разделением языков Бог когда-то наказал людей за их гордыню и строптивость. Это не значит, что не нужно изучать иностранные языки; хочу сказать, что их *приходится* изучать — раз до сих пор нет языка единого и всем понятного. Эсперанто не в счет — нужен язык органичный, всеупотребимый. Язык для всех — это, кстати, тоже из области универсальных человеческих смыслов. Время такого языка пока еще не наступило.

Отчего мы так упорно не хотим расставаться с идеологией эгоцентризма?

Слова о человеческой индивидуальности, неповторимом мире

личности дела не решают. Вернее, объясняя одно, они затемняют другое. Похоже, за желанием выделить себя, отделить себя от других прячется интуитивная боязнь признать, что в «других» очень много от нас самих. Я не говорю о чем-то дурном, чего надо стыдиться, а о вещах самых обычных: сходстве в эмоциональном опыте, общем языке и привычках. Люди похожи друг на друга, но бояться это признать. Сходство отнюдь не обезличивает каждого из нас, а лишь убирает ненужные и во многом придуманные перегородки. Или мы сами не хотим их убирать? Тогда это надо честно признать и разделить вопрос о сходстве и нежелании его обсуждать. Думаю, что стремление «остаться самим собой» идет от подсознательного нежелания считать другого человека *продолжением себя*, а его — своим продолжением. Мы не хотим согласиться с тем, что другой — это есть и ты сам. То, что сознание? наделены миллионы, дела не меняет — особенно в перспективе всеобщего посмертного слияния. Так не лучше ли осознать и принять это еще здесь, на земле? Призыв утопичен, но утопизм в данном случае осознанный: есть надежда на то, что когда-нибудь человек догадается, чего он боится и почему. Не так уж и трудно узнать в другом себя, трудно решиться на те перемены в себе, которые должны за этим последовать. Если же это произойдет, тогда на вопрос: «Ты кто?», — каждый из нас, подобно блаженному Августину, ответит просто и коротко: «Человек».

Загадка человека не в том, в какую сторону он изменяется — в лучшую или худшую, как — быстро или медленно, а в том, что он, вообще *не изменяется*. Взгляд на другого как на себя — здесь намек на изменение очевиден. Может быть, это и есть единственное изменение, которое мы способны осуществить в себе. Смысл человеческого объединения, слияния через отношение к другому как к себе самому, тоже принадлежит будущему. Главное содержание смысла в том, что он оказывает равномогущее воздействие на все стороны человеческого существования. В том числе и на все то, что человека окружает: ведь если ясно, что все мы — люди, тогда рядом с нами Мир, и к этому Миру мы должны как-то относиться. Это напрямую выводит нас к вопросу самоосознания перед лицом Бога. Мало желать двигаться к Богу: важно знать, как именно двигаться. Схема, застрявшая в умах европейского, а теперь уже и мирового сообщества, предполагает возвышение из косного, низкого мира природы к высотам, где человеческое; начало станет столь прекрасным, что вплотную приблизится к Богу. Человек должен подняться над своим прошлым, убить в себе зверя и, помахав миру рукой, проститься с ним навсегда.

Я думаю, эта схема неосуществима, ибо в ее основах - все те же эгоизм и гордыня. Не в том дело, чтобы, взлетая к Богу, оставить внизу этот мир, а в том, чтобы попытаться *приподнять его*. Не до Бога — хотя бы до самого

себя, до *лучшего* в себе. Возвысить до себя, и этим — через это — приблизить к Богу. Не тот высок, кто забрался выше всех, а тот, кто помогает подняться другим. Это в чем-то схоже с буддистским отношением к цветку, камню, животному, хотя есть и очень важное отличие. Человек начинает смотреть на мир как на что-то равное себе не потому, что проникся идеей всеобщего перерождения, а чтобы придать миру свой, человеческий смысл. Человек дает миру шанс подняться на новую высоту. Никто не заставляет заниматься этим, но если он знает, что может это сделать, он должен это сделать. Добро необходимо потому, что оно возможно. Как это не похоже на отвлеченные рассуждения о грядущем слиянии с Богом! Здесь — скромная черновая работа по переустройству земной жизни, работа — по смыслу своему — подлинно человеческая. Этот смысл — тоже в будущем, и если попытаться выстроить иерархию, он займет в ней самое высокое место.

В каком-то смысле будущее уже существует. Детерминизм будущего — не призрак, а действительная сила, влекущая нас к себе, хотим мы этого или нет. Можно говорить о тотальной исторической определенности. Отличие от привычного детерминизма состоит в том, что культура (заложенный в ней смысл) рассматривается как целое. Из этого следует, что будущее, грядущее бытие культуры не менее реально и действительно, чем ее настоящее и прошлое. Прошлое было, настоящее есть, будущее будет, и вот то, что оно — плохое или хорошее — будет непременно, позволяет думать, что оно уже наличествует.

Жизнь — это путешествие в будущее со скоростью 24 часа в сутки. Это путешествие по жизни со скоростью самой жизни. Наши дети и внуки — разведчики, которых мы отправляем в пределы, для нас не досягаемые. Будущее притягивает нас к себе. Притягивает буквально, ибо источник энергии, питающей человечество, всегда находится за горизонтом настоящего.

Возможно, сегодня, когда все это осознается, что-то важное начинает происходить и с самой культурой. Культура перед выбором: предчувствуемое, хотя и не вполне осознаваемое будущее перестает быть будущим в традиционном смысле слова, т.е. «счастливым» и «светлым». Будущее становится все менее и менее привлекательным, а это означает, что оно под угрозой неосуществления. Если раньше, в прежней истории человечества, будущее наступало как бы само собой, то теперь этого может и не случиться. И дело не в возможных грядущих катаклизмах, а в вещах куда более важных. Потеря воли к будущему — это потеря воли к жизни. Прежние мифы теряют силу, новые создать уже невозможно, ибо все более обнажается сам процесс мифообразования. А миф осознанный, понятый теряет всякую привлекательность и действенность.

Призывать кого-либо к чему-либо, тем более к «светлому будущему», дело почти безнадежное. Все равно никто не прислушается. Отчасти это и хорошо, потому что предохраняет от возможных ошибок. Однако пока в человеке сохраняется мечта о будущем, о пути вверх, любые соображения на этот счет бесполезны. Не из каждого совета можно извлечь практическую пользу, но этого и не нужно, ведь жизнь не сводится лишь к соображениям пользы и целесообразности. Даже если человек узнает, что история «предрешена» сверху как единое смысловое целое, он все равно не успокоится и попытается наладить жизнь по своему образцу. А если история и предрешена, то действовать и выбирать человеку все равно придется, иначе он просто не сможет уважать себя. И это тем более верно, если человек устремится к такой форме свободного волеизъявления, при которой добро будет совершаться абсолютно безосновательно: не потому что где-то в иной жизни нас ждет наказание или награда, а просто так. Добро *можно* делать потому, что его *можно* делать — вот тот случай, когда сама возможность приобретает характер обязательного действия. Этот принцип может быть назван в числе важнейших в системе *иерархии допустимого*, которая предполагает взгляд на настоящее как уже свершившееся, вернее, свершающееся будущее: человек должен оставить мир в покое в прямом смысле этого слова. Но поскольку в нынешней немилосердной реальности это невозможно, нужно постараться нанести ему по крайней мере минимальный ущерб. Можно идти по лугу и произвольно срывать головки цветов, а можно этого не делать. Никто не следит за тобой но ты поступаешь так, как подсказывает тебе иерархия допустимого.

История движется по спирали. Эта ставшая банальной мысль

неожиданно обретает новый мощный смысл, когда мы спрашиваем себя: а как, собственно, выглядит эта спираль? История, действительно, движется по спирали, вот только витки ее не расширяются, а все более и более *сжимаются*. Начав с нескончаемо длинной, похожей на прямую дуги первобытности, история стала скручиваться во все возрастающем темпе, достигнув в XX в. своего мыслимого (как нам кажется) предела История, как водоворот, как воронка, которая всасывает в себя человека. Вот только куда: вверх или вниз? История кружит нас по спирали, притягивает к своему центру, но мы никогда не видим перспективы движения, так как спираль оказывается не восходящей и не нисходящей, а *плоской*. Куда направлена воронка? Похоже, сразу в две стороны — и вверх, и вниз: символика философской геометрии смыкается с символикой религиозной, с образами Рая и Ада. Путь истории оказывается схожим с жизнью человека - выбор, грех, воздаяние надежда, конец света, светлое будущее.

Рай — это сад будущего. Однако семена, из которых он когда-нибудь поднимется, спрятаны здесь, на нашей земле. Их следует поливать, хотя бы потому, что это можно сделать. А большего от человека и не требуется.